

«... В первом отделе особенно интересны и полны родословия, из вошедших в настоящее издание, следующих фамилий: кн. Воротынские, кн. Лыковы, кн. Острожские, кн. Курбские, кн. Холмские, кн. Пожарские, кн. Вишневецкие, кн. Кантемиры, гр. Брюсы, графы и бароны Лёвенвольде (ссылки на членов этой фамилии в исторических монографиях почти всегда исполнены ошибок, а между тем Лёвенвольде играли весьма важные роли в истории России первой половины XVIII века)...»

(Из предисловия к «Российской Родословной книге» Мих. Семевского, 9 февраля 1873, С.-Петербург)

ЛЕВЕНВОЛЬДЕ — КОГО ИЗ НИХ УПОМИНАЛ А.С. ПУШКИН В «ИСТОРИИ ПЕТРА I»?

В.К. Малиновский¹

1. Введение

Многие произведения А.С. Пушкина прямо или косвенно посвящены русской истории. Обратимся лишь к двум из них, к «Истории Петра I» и к незавершенной поэме «Езерский» (1832); вступлением к нашей статье будут следующие строки из этой поэмы:

... Мне жаль, что сих родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух.
Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух,
... Вот почему, архивы роя,
Я разобрал в досужный час
Всю родословную героя,
О ком затеял свой рассказ...

«История Петра I». Напомним три места из «Истории Петра I», первые два из которых касаются присоединения Прибалтики к России в 1710 г., а третье — дела царевича Алексея Петровича, закончившегося его гибелью в 1718 г. В части, относящейся к 1710 г., говорится:

- 30 сент.<ября> Петр подтвердил капитуляцию в П. Б. двумя дипломами — по ходатайству барона *Левенвольда*. Шведск.<ая> редукция была уничтожена, — и Лифляндия искренне радовалась торжеству россиян.

---

¹Доктор физ.-мат. наук, профессор, прямой потомок Герхарда Иоганна Левенвольде в IX-м поколении.

- 17 сент. <ября> . . . Петр послал в Ригу тайн. <ого> советника *Левенвольда* для учреждения гражданского порядка в Лифляндии, придав ему в помощь Зыбина и еще офицера, знавшего по нем. <еcki> и по латине. Сам Петр занялся исправлением крепостей и гаваней, вызовом иноземцев на заселение мест, опустошенных язвою etc. Он составил 15 000-й корпус лифл. <яндский> из природн. <ых> тамошних дворян.
- 22 декабря . . . В Лифл. <яндии> учреждена была комиссия. Наказ, *Левенвольду* данный (11 пункт. <ов>) (см. ч. III-269).

В части, относящейся к 1712 г., говорится:

- 21 <июня> Петр предписывает адмиралу в рижских делах, относящихся к *уезду и дворянству*, относиться к *Левенвольду*, к <а>сательно торговли к Исаеву, а гарнизона — к Полонскому etc.
- 2-го дек. <ября> Датский король соединился с сакс. <онским> войском; Петр его благодарил, а сам заслонил Штейнбоку все пути в Польшу. Тут получил он известие, что Штейнбок обратился к Шверину с намерением напасть на датск. <ие> и сакс. <онские> войска. Петр дал знать д. <атскому> королю, чтоб он дождался его, чтоб дать сражение, 8 декабря выступил в поход и с пути 3 курьеров: Нарышкина, Монса и *Левенвольда* послал одного за другим к д. <атскому> кор. <ол>ю — с подтверждением своего совета.

В части, относящейся к 1718 г., о царевиче Алексее, среди прочего, говорится²:

- . . . женил его на принцессе Вольфенбит. <ельской> (смотри Moreau de Brasey). Она, кажется, изменила мужу с молодым *Левенвольдом*. Царевич ее разлюбил и взял себе в наложницы чухонку (см. Брюса; описание царевича и Кокса).

Кем были упомянутые А.С. Пушкиным Левенвольде? Понятно, что «для учреждения гражданского порядка в Лифляндии» и для посланки в качестве курьера вряд ли назначался бы один и тот же человек. Что касается подозрения в амурных делах, то здесь явно сказано: *с молодым Левенвольдом*. Поэтому несложно предположить, что А.С. Пушкиным упомянуто несколько разных людей с одной и той же фамилией³. Кто же они такие?

Ответ на этот вопрос совсем не прост. Еще сложнее разобраться, какими людьми они были и почему Петр I, как мы видим, давал им весьма ответственные поручения. Так, историк 19-го века М.Д. Хмыров (1830–1872) пишет:

- . . . замечательно, что де-Лириа, Манштейн и князь Шаховской, лично и близко знавшие графа Левенвольде, дают о нем в записках своих отзывы совершенно противоречащие один другому,

²Тот, кто сперва *посмотрел* книги Моро де Бразе в оригинале, как Пушкин и советует, понимает, что книги эти — вариант «Черной легенды» в отношении России 1710-х годов, составленные персоной, высланной из России за деятельность, несовместимую, и проч. А поэтому слово «кажется» будет восприниматься им как «big if». Тот же, кто этого не сделал, будет думать по-другому.

³Эта фамилия, Löwenwolde, известна в русских источниках как Левенвольде, Лёвенвольде, Левенвольд, Левольд (не путать с Левальдом [Lehwaldt, Lehwald, Lewald], прусским военачальником, в Семилетнюю войну давшему сражение войскам Апраксина при Гросс-Егерсдорфе).

и далее:

- . . . испанский посол дюк де-Лириа, знавший Левенвольда по дворцу, свидетельствует, что он был лжив, а Нащокин, офицер измайловского полка, говорит в своих записках, что такой человек, как оный граф Левенвольд, с справедливыми поступками и zelo с великим постоянством, с смелостью, с столь великими добродетелями, редко рожден быть может.

Это — выдержки из примечаний⁴ № 3 и № 4, которыми М.Д. Хмыров сопроводил осуществленную им в 1861 г. публикацию⁵ перевода с французского языка отчета «Обстоятельств, приготовивших опалу Эрнста-Иоанна Бирена, герцога Курляндскаго», представленного самим Э.-И. Бироном царице Елизавете Петровне, вернувшей его из ссылки вскоре после переворота, приведшего ее на российский трон.

Занятно, что М.Д. Хмыров в своем примечании № 3 ошибается даже в имени того самого Левенвольде, о котором пишет свое примечание. Он говорит: «граф Карл Рейнгольд Левенвольд. . .»; как мы увидим, здесь М.Д. Хмыровым соединены в едином лице граф Карл Густав Левенвольде и граф Густав Рейнгольд Левенвольде.

Отец (барон), его дочь и сыновья (графы) Левенвольде. Не вдаваясь в седую старину, но имея в виду, что Левенвольде — «одна из первых фамилий края», т.е. Лифляндии⁶, одного происхождения с Врангелями⁷ и Энгденами, начнем с того, какие именно люди по фамилии Левенвольде были упомянуты в приведенных выше цитатах из А.С. Пушкина и М.Д. Хмырова. Для удобства приведем следующую таблицу⁸:

<i>отец</i> : Герхард Иоганн Левенвольде ⁹ ∞ 1680 Магдалена Элизабет Левен ¹⁰	?–26.4.1723 [♠ июнь 1696]
<i>старший сын</i> : Карл Густав Левенвольде ∞ 1722 Шарлотта Розен	? ¹¹ –30.4.1735
<i>средний сын</i> : Фридрих Казимир Левенвольде	1692–8.4.1769
<i>младший сын</i> : Густав Рейнгольд Левенвольде	1693–22.7.1758 [♠ январь 1742]
<i>дочь</i> : Хелена Кристина (по др. ист. Шарлотта) Левенвольде ∞ 1722 Беренд Фридрих Шлиппенбах (1695–1737)	

⁴Всего примечаний 109.

⁵Время, 1861, т. 6, № 12, с. 522–542; Примечания с. 543–622.

⁶Согласно некоторым источникам, в 1241 г., во время взятия войсками Александра Невского крепости Копорье в Ингерманландии погиб Эйлхарт Левенвольде, руководивший ее малочисленным гарнизоном.

⁷Врангели, и это признается Алексеем Петровичем Врангелем (см. его «Генерал Врангель: доверие воспоминаний»), есть младшая ветвь семьи Левенвольде: «Когда-то в XIII столетии некий немецкий рыцарь, покинув свои родовые владения в Нижней Саксонии (этот рыцарь мог происходить из рода Левенвольде фон Вельцен, чьи доспехи были такие же, как у Врангелей), направился на Восток. . .».

⁸Значками [♠ июнь 1696] и [♠ январь 1742] обозначены смертные приговоры, вынесенные шведским королем Карлом XI и русской императрицей Елизаветой Петровной (приговор к отсечению головы был заменен ссылкой). Значок ∞ обозначает супружество.

2. Отец: Герхард Иоганн Левенвольде

Как Герхард Иоганн Левенвольде оказался на русской службе. Говоря кратко, все объясняет пушкинская фраза «шведск.<ая> редукция была уничтожена, — и Лифляндия искренне радовалась торжеству россиян».

В 1696 г. Герхард Иоганн Левенвольде, в то время майор шведской службы, был арестован, доставлен в Стокгольм и приговорен отцом Карла XII, Карлом XI, к смертной казни — он, как и его близкий родственник и сподвижник Иоганн Рейнгольд Паткуль, ходатайствовал об отмене редукций¹², т.е., говоря кратко, политики произвольной реквизиции имений балтийского рыцарства.

Спасаясь от приговора, Герхард Иоганн Левенвольде бежит в Курляндию и Польшу, где занимает ряд высоких постов, а после Полтавской битвы переходит на службу к Петру I и становится его «пленипотенциарием» в Прибалтике.

Вот как об этом пишет Герхард Фридрих Миллер (1705–1783), российский историограф, действительный член Российской Академии наук и художеств.

№ 1 (Г.Ф. Миллер «О происхождении и о службах предков Шереметевых, особливо же о славных делах фельдмаршала графа Бориса Петровича и о потомках его»).

... Не можно сомневаться, чтоб множество дел, при новом правлении ежедневно встречающихся, Фельдмаршала не отягощало. Некоторое ему облегчение чинилось присылкою от Государя для управления гражданских, а особливо до Шляхетства касающихся дел, того же Тайнаго Советника Барона *Левенвольда*^{III}, о котором выше сказано, что и в делах до завоевания Лифляндии касающихся великое имел участие. Сие так разуметь должно, что *Левенвольд*, яко природной и к Российской пользе усердной, да при том по фамилии знатной и обо всем сведущей Лифляндец, как сам первый из своих братьев присягал ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ в подданнической верности, так и представлениями и советами своими много к тому способствовал, что все Лифляндское Шляхетство без малейшаго сопротивления и понуждения победителю, или паче сказать свободителю своему повиновалось. По сим его услугам находился он и в великой милости у ПЕТРА ВЕЛИКАГО; потому и нетрудно было ему исходатайствовать своему отечеству такая неоцененная привилегия. Государь его отправил Октября 17 дня из Санктпетербурга с указом, чтоб Фельдмаршал ему показал вспоможение, и придал бы ему в товарищи два человека Офицеров, по Немецки или по Латински умеющих^{IV}.

⁹Мать Г.И. Левенвольде, Изабелла Архарт, происходит из древней шотландской семьи, отец которой, Джон Архарт, был вынужден переселиться в Швецию. Он был подполковником королевской гвардии и был возведен в шведское дворянство.

¹⁰Иногда, по незнанию или по недоразумению, утверждают, что фамилия Левен, или Лёвен (Löwen), к которой принадлежала Магдалена Элизабет Левен, — это «сокращение от Левенвольде (Löwenwolde)». Это неверно: фамилия Левен вполне самостоятельна, имела собственную славную родословную и собственный герб.

¹¹Не ранее 1680 г. и не позднее 1692 г.

¹²Начавшаяся в отношении шведов, новых землевладельцев, и распространившаяся на потомков рыцарства редукция привела к тому, что вскоре из пяти тысяч имений у ливонского дворянства осталась лишь тысяча.

III Он после был Обер-Гофмейстером при дворе Волфенбиттельской Принцессы Супруги Государя Царевича АЛЕКСЕЯ ПЕТРОВИЧА. Из трех его сыновей первой был на последок Обер-Шталмейстером, второй Камергером и Посланником при Венском дворе, третий Обер-Гофмаршалом¹³. — *Прим. Миллера*.

IV Письма № 86. — *Прим. Миллера*. ▲

В отношении же Иоганна Рейнгольда Паткуля смертный приговор отца, Карла XI, был приведен в исполнение сыном, Карлом XII. Вот что можно прочесть об этом в «Гистории Свейской войны», фундаментальном труде, редактировавшемся лично Петром I.

№ 2 («Гистория Свейской войны»).

... А 1707-го году марта 19 числа Лит из Берлина писал, что Паткуль еще 14-го числа того ж марта шведам еще не выдан был, но выдан 6-го апреля в ночи таким обстоятельством, что в железах на руках и ногах, в одном шлафроке верхом отвезен от шведов, и что король Август недавно Штатам Галанским отписал, что он Паткуля, *яко царского министра*¹⁴, шведам выдать не может.

1707 году 4 марта Лит из Берлина писал¹⁵, что генералу П. Пайкилю¹⁶ 14-го февраля того ж году в Штокгольме чрез палача голову отсекли.

Паткуля заключенного шведы с собою вывезли из Саксонии 1707 сентября в первых числах, а октября в 10 день, не смотря не [на] какие предстательства других государей, близь местечка Казимира в Великой Полше колесован и четвертован, где еще особливо примету достойно, что тот офицер, которой ему еще отчасть живому после колесования голову отрубить допустил, от короля швецкого чину лишен, ибо король повелел голову у него скорее не отрубить, пока не замучился до смерти. *Кн. 19. Л. 333-334 об.* ▲

Кого Петр I выбрал в жены царевичу Алексею Петровичу. Говорят, что «из политических соображений в жены своему сыну Алексею Петр I выбрал вольфенбюттельскую принцессу Шарлотту Христину Софию». Кем же она была? Шарлотта Христина София (1694–1715) была¹⁷

- родной (младшей) сестрой Елизаветы Кристины Брауншвейг–Вольфенбюттельской (1691–1750), супруги Императора Священной Римской империи Карла VI (1685–1740); теткой (родной сестрой матери) будущей императрицы Марии–Терезии (1717–1780), дочерью которой была королева Франции Мария Антуанетта.
- родной (старшей) сестрой Антуанетты Амалии Брауншвейг–Вольфенбюттельской (1696–1762), матери будущей жены короля Пруссии Фридриха Великого (1712–1786), Елизаветы Кристины (1715–1797).

Это, по меркам того времени, действительно очень достойный выбор.

¹³Миллер абсолютно прав в указании старшинства трех братьев! Его свидетельство подтверждается сведениями, изложенными в книге Моро де Бразе. — *Прим. В.М.*

¹⁴Sic! Паткуль был послом Петра I в союзной державе, у короля Августа! — *Прим. В.М.*

¹⁵На полях написано: Лит о сем писал в реляции от 12-го апреля.

¹⁶К сожалению, этих двух людей, П. Пайкиля и И.Р. Паткуля часто путают — по созвучию фамилий и по сходной кончине. Весьма часто ошибаются в подписях к портретам. — *Прим. В.М.*

¹⁷Для краткости, мы не упоминаем, например, ее родство с курфюрстиней Ганновера Софией (1630–1714), сын которой Георг Людвиг (1660–1727) — с 1714 г. король Великобритании.

В мае 1712 г. Шарлотта «со своей немецкой свитой, предводимой бароном Левенвольдом», как пишет историк Дмитрий Иванович Иловайский (1832–1920), прибыла в С.-Петербург. Говоря точнее, выполнив миссию «пленипотенциария» Петра I в Прибалтике, Герхард Иоганн Левенвольде становится обер-гофмейстером двора супруги царевича Алексея Петровича.

Вот что пишет далее Д.И. Иловайский.

№ 3 («Д.И. Иловайский «Петр Великий и царевич Алексей. Исторический очерк»).

... Вторая беременность кронпринцессы не обошлась без несчастного случая. Однажды, всходя на лестницу, она упала и ушибла себе левую сторону, после чего чувствовала постоянную боль, особенно в левом боку, несмотря на меры, принятые врачами. 12 октября она благополучно разрешилась от бремени сыном, который в честь деда был назван Петром. Дед вместе с своей любимой Натальей был его восприемником от купели.

Первые дни родительница чувствовала себя недурно и сама начала кормить новорожденного. Но затем состояние ее ухудшилось, а на девятый день было уже так плохо, что созвали консилиум, на который царь прислал своих лейб-медиков Арескина, Блументроста, Поликала и других вместе с князем Меншиковым. Сам он был тогда очень нездоров и не выходил из комнаты. Екатерина также не могла прибыть, ибо сама ожидала разрешения от бремени. Консилиум нашел родительницу в безнадежном положении.

Следующим утром 21 октября Шарлотта, сознавая это положение, призвала свое доверенное лицо — барона Левенвольда [Герхарда Иоганна. — *Прим. В.М.*] — и сделала последние распоряжения. Главное ее желание состояло в том, чтобы воспитание ее детей было поручено ее другу, принцессе Ост-Фрисландской, если на сие будет соизволение государя, в противном случае просила Левенвольда лично отвезти принцессу на родину. В заключение просила передать их величествам свою благодарность за все их благодеяния. В тот же день Петр по просьбе умирающей посетил ее, несмотря на свое нездоровье; она была еще настолько в памяти, что поручала его отеческому попечению своих детей и его милостивому вниманию — своих служащих. Ночью на 22 октября 1715 года она скончалась. По словам *австрийского резидента (Плейера)*, Алексей не отходил от постели умирающей, а когда она скончалась, несколько раз падал в обморок. Потом взял на руки обоих детей и унес их в свою комнату. ▲

Существуют самые различные инсинуации на тему судьбы супруги царевича Алексея, одну из которых упоминает А.С. Пушкин — говоря: «она, *кажется*, изменила, etc.». Относясь ко всем этим слухам так, как они того заслуживают, скажем в заключение, что вряд ли судьба Шарлотты Христины Софии сложилась счастливее судьбы самого старшего сына Петра Великого.

Немного забегаая вперед, вслед за А.Г. Брикнером, труд которого, опубликованный в 1896 г. в «Русской старине», суть анализ дипломатической переписки, хранящейся в Вене, заметим, что

№ 4 («А.Г. Брикнер «Русский двор при Петре II. 1727–1730. По документам венского архива»).

... Граф Рабутин¹⁸, бывший в России при Екатерине I, находил, что правительство очень мало заботилось о воспитании великого князя, и что это упущение дорого может обойтись самой императрице. К этому австрийский дипломат прибавил (в своей депеше к Карлу VI, от 6-го октября 1726 г.) замечание, что вопрос о воспитании Петра Алексеевича должен считаться весьма деликатным, и что затрогиванием его легко можно навлечь на себя негодование правительства. Немного позже Рабутин писал о намерении Екатерины назначить воспитателем Петра *графа Левенвольде*. Несмотря на опасность коснуться вопроса о воспитании великого князя, Рабутин около этого же времени говорил Меншикову и Остерману о необходимости заняться серьезнее прежнего этим вопросом. В письме к австрийскому министру Шёнборну, Рабутин выставлял на вид, что в «народе» при назначении воспитателя непременно отдадут предпочтение кому-нибудь и русских. По мнению Рабутина *граф Левенвольде* способен сделаться «директором» воспитания Петра. В разговоре с Меншиковым и Остерманом Рабутин настаивал на том, чтобы на великого князя действовали с целью развития в нем здравых мыслей и благородных чувств. Нельзя удивляться тому, что Рабутин считал выбор воспитателя делом довольно сложным. «Здесь это труднее, чем в других странах», писал он. Однако, более всего Рабутина смущало нерадение на этот счет русских министров.

Наконец, в марте 1727 г., значит, так сказать, накануне воцарения Петра, Рабутин мог сообщить графу Шёнборну о назначении *Остермана главным воспитателем Петра и Лёвенвольде его помощником*¹⁹. Австрийский дипломат доносил, что этот выбор состоялся по личной инициативе императрицы Екатерины I и без ведома герцога голштинского, который был недоволен этим назначением. ... Выбор воспитателя был как нельзя более удачным. ▲

О дальнейшем ходе воспитания Петра II сперва А.Д. Меншиковым, а после его свержения — Долгоруковыми²⁰, многое известно.

3. Карл Густав Левенвольде

Мы помним, что в 1712 г., как пишет А.С. Пушкин, «Петр дал знать д.<атскому> королю, чтоб он дождался его, чтоб дать сражение, 8 декабря выступил в поход и с пути 3 курьеров: Нарышкина, Монса и Левенвольда послал одного за другим к д.<атскому> кор.<ол>ю — с подтверждением своего совета».

¹⁸Из списка кавалеров ордена Св. Апостола Андрея Первозванного. ... 49: Бюсси-Рабутин, Игнац Амадеус, граф, австрийско-цесарский в России министр, умер в С.-Петербурге 28 августа 1727 года. Посол, представлявший интересы родной тетки Петра Алексеевича, потерявшего мать при рождении. — *Прим. В.М.*

¹⁹Существо личных отношений между А.И.Остерманом и Г.Р. Левенвольде (первый был старше второго на шесть лет) в наше время существенно искажено. Нам представляется, что это была многолетняя и равноправная дружба. При этом «Остерман очень любит такого человека, которого всячески стараются отдалить от двора» (это утверждение относится ко времени до воцарения Анны Иоанновны; под «таким человеком» здесь подразумевается Г.Р. Левенвольде) и «он выдвинул Остермана, которого, как мы видели, бестужевская партия иначе не называла как «клеатурою (креатурою) Левольда» (это утверждение относится ко времени после воцарения Анны Иоанновны; «он» здесь — Г.Р. Левенвольде). — *Прим. В.М.*

²⁰В мемуарной литературе часто пишут «Долгорукие» вместо «Долгоруковы». Мы будем приводить выдержки из таких мемуаров без изменений. — *Прим. В.М.*

Конечно, это говорится не о Герхарде Иоганне Левенвольде: не дело тайного советника и пленипотенциария быть курьером. Это говорится о старшем сыне тайного советника, о Карле Густаве Левенвольде, который, по словам Василия Александровича Нащокина²¹, «при жизни его императорского величества, блаженной памяти государя Петра Великого, был его величества генерал-адъютантом и много употреблен бывал от его величества в посылки».

Дадим слово самому Петру I, который жалуется союзному императору Карлу IV, женатому, к слову сказать, на родной (старшей) сестре Шарлотты Христины Софии, несчастной супруги Алексея Петровича.

№ 5 (Петр I о своем генерал-адъютанте К.Г. Левенвольде • № 6405 — Писано 28 декабря 1713 Августейшему императору Карлу VI).

... Но паче зло злей учинил [Город Гамбург. — Прим. В.М.] и худые свои поступки к нам умножил ... и с нашими офицерами и служителями, которые в городех посланы были для наших дел, а особливо з генерал-адъютантом бароном²² Левенволдом, зело зле и бесчестно поступал, но и весьма допустил, что шведы на Гамбургской земле в самом присутствии городского караула и, знатно, по оному наущению, наших офицеров грабили, не упоминая о иных, толь многих нам и нашим подданным и служителям учиненных досадах. ▲

Быть у Петра Великого «на посылках» почетно²³. Но главную услугу Российской Империи братья Карл Густав и Густав Рейнгольд Левенвольде, возведенные вместе с их третьим братом, Фридрихом Казимиром, в графское Российской Империи достоинство в 1726 г., оказали несколько позднее.

Перейдем в этой связи, как и было обещано, к незавершенной поэме А.С. Пушкина «Езерский».

«Езерский»: примером нам да будет швед. В дополнительных стихах²⁴ к поэме «Езерский» А.С. Пушкин говорит о событиях 1730-го года («митавские кондиции»):

Царя не стало; государство
Шаталось, будто под грозой,
И усмиренное боярство
Его железною рукой
Мятежной предалось надежде:
«Пусть будет вновь, что было прежде,

²¹Василий Александрович Нащокин (1707–1760(?)) — генерал-поручик; 19 ноября 1729 г. в должности ординарца при фельдмаршале В.В. Долгорукове присутствовал при обручении Петра II с Е.А. Долгоруковой. При учреждении лейб-гвардии Измайловского полка в 1730 г. назначен полковым адъютантом. С 1 января 1748 г. — секунд-майор Измайловского полка. В марте 1751 г. «за болезнью» был отпущен в свои деревни, вернулся в С.-Петербург в феврале 1753 г. и 18 декабря пожалован в генерал-майоры, а 30 августа 1757 г. — в генерал-поручики. Дед П.В. Нащокина, друга А.С. Пушкина.

²²Общеизвестно, что Карл Густав Левенвольде — граф с 1726 г. Примечательно другое: в 1713 г. Петр I именует К.Г. Левенвольде бароном. Однако это не значит, что Левенвольде были *возведены* в баронское достоинство. То, что за ними, как и за некоторыми другими иностранцами и выходцами из Прибалтики признавалось таковое достоинство, означало лишь уважительное отношение к их происхождению «из древних ливонских фамилий» и к их положению среди прочих *матрикулированных* прибалтийских семей. — Прим. В.М.

²³Меншиков, Чернышев, Румянцев, Бутурлин — вот далеко не полный список тех, кто был у Петра I «на посылках».

²⁴А.С. Пушкин. «Езерский». Варианты начальных строк романа. Строфа VII. Собрание сочинений в 10 томах, т. IV, с. 399.

Рис. 1. Парный герб супругов К.Г. Левенвольде и Ш. Розен.

Долой кафтан кургузый. Нет!
 Примером нам *да будет*²⁵ швед».
 Не тут-то было. Тень Петрова
 Стояла грозно средь бояр.
 Бессилен немощный удар,
 Что было, не восстало снова;
 Россию двинули вперед
 Ветрила те ж, средь тех же вод.

О том, почему и в каком смысле «тень Петрову» — среди прочих — составляли братья Левенвольде, читатель увидит из приведенного ниже анализа. Но сначала о том, что же это за «митавские кондиции».

1727–1730: «... между тем семья Долгоруких почти всю власть в России в свои руки захватила». Обратимся к мемуарам Эрнста Миниха (род. 1707), сына фельдмаршала Б.Х. Миниха, к той их части, которая относится к событиям вокруг 1730-го года.

№ 6 (*Записки и замечания гр. Эрнста Миниха*).

... Между тем семья Долгоруких почти всю власть в России в свои руки захватила. Молодой император принужден был обручиться с сестрой своего наперсника, но лишь только мы о сем известились, как граф Головкин чрез нарочного получил неожиданное известие, что Петр II в 19 день января

²⁵Sic! Прямое упоминание А.С. Пушкиным митавских кондиций, прообразом которых стало государственное устройство Швеции при Ульрике-Элеоноре. Часто (даже известным историком М.И. Семевским) А.С. Пушкин цитируется неправильно: «Примером нам *не будет* швед». Причину такой ошибки легко понять. — *Прим. В.М.*

1730 г. скончался и вдовствующая герцогиня Курляндская, вторая дочь царя Иоанна Алексеевича, приняла российский престол.

В правление покойного императора Петра II все дела государственные решались в так называемом Верховном совете, состоявшем из пяти или шести особ, в котором князь Долгорукий больше всех голосу имел. Лишь только молодой император свой дух предал, то означенный совет съехался на совещание о наследии империи. Кончиною Петра II пресеклось мужское колено императорского дома, поэтому князь Долгорукий и его сообщники почли сие обстоятельство удобным случаем, чтобы власть российских государей некоторым образом ограничить. Они не чаяли в том ошибиться, когда, невзирая на степень родства или на первородство, поднесут престол российский такой государыне, которая будет им благодарна за оказанное ей преимущество и, следовательно, из признательности подтвердит все, какие ни будут ей представлены, условия.

И так выбор пал, как выше сказано, на вдовствующую герцогиню Курляндскую, и примечательнейшие предложенные ей статьи были следующие:

- (1) без усмотрения и согласия высокого совета никакого в делах государственных не подавать решения, следовательно,
- (2) не объявлять войны и не заключать мира.
- (3) Никаких не налагать поборов или налогов.
- (4) Никого за преступление в оскорблении величества не осуждать к смерти в одной тайной канцелярии и ни у одного дворянина не конфисковывать имения без ясного доказательства на учиненное им вышеозначенное преступление.
- (5) Беспрекословно довольствоваться определяемым на содержание ее особы и придворного штата годовым доходом.
- (6) Казенных вотчин никому не дарить.
- (7) Не вступать в брак и не назначать наследника престола.

После сего к новой императрице, обретавшейся в Митаве, отправлены депутаты, между коими предводителем был князь Василий Лукич Долгоруков, чтобы возвестить ей об избрании ее и упомянутые статьи предложить на утверждение.

Сия до формы правления касающаяся перемена²⁶ не могла быть столь скрытна, чтобы не проведал об оной камергер покойного императора [Петра II. — Прим. В.М.] граф Густав-Рейнгольд Левенвольде, которого *старший брат [Карл Густав Левенвольде. — Прим. В.М.], после бывший обер-шталмейстером у императрицы Анны Иоанновны, жил тогда в отставке в своих деревнях в Лифляндии* и с давнего уже времени предан был герцогине Курляндской. Дабы уведомить сего и чрез него императрицу об оном деле как можно скорее, не нашел камергер граф Левенвольде иного удобнейшего средства, кроме как послать своего скорохода в крестьянской одежде к нему с письмом в Лифляндию. Вестник, наняв сани, скоро поспел туда, так что старший граф Левенвольде успел отправиться в Митаву и приехать туда целыми сутками ранее, нежели депутаты. Он первый возвестил новоизбранной императрице о возвышении ее и уведомил о

²⁶Sic! Речь идет об изменении *формы правления*, т.е. не о дворцовом, а о государственном перевороте. — Прим. В.М.

том, что брат к нему писал в отношении ограничения самодержавия. При том он дал свой совет, дабы императрица на первый случай ту бумагу, которую после нетрудно разорвать, изволила подписать, уверяя, что нация не долго довольна быть может новым аристократическим правлением и что в Москве найдутся уже способы все дела в прежнее привести состояние. После сего, откланявшись, без замедления возвратился в свои деревни. ▲

Карл Густав и Густав Рейнгольд Левенвольде: quid pro quo. Важнейшей составной частью событий, в результате которых «митавские кондиции» были разорваны, а «Россию двинули вперед ветрила те ж, средь тех же вод» было, среди прочего, формирование Измайловского полка гвардии²⁷, дела, успешно выполненного в 1730 г. Карлом Густавом Левенвольде.

Из-за ограниченного объема настоящей статьи мы не можем раскрыть все перипетии этих событий, но обратим внимание читателя на имеющуюся в ряде мемуаров и укоренившуюся в исторических исследованиях ошибку, состоящую в том, что старший и младший²⁸ из братьев Левенвольде «переставлены местами».

Суть ошибки видна из следующего текста, принадлежащего неизвестному, но, несомненно, хорошо информированному современнику.

№ 7 («Замечания на “Записки Манштейна о России” неизвестного автора». • Об отправлении Сумарокова графом Ягужинским к Анне Иоанновне с извещением о замыслах Верховного совета).

... Не чрез г. Сумарокова²⁹, отправленного графом Ягужинским, Анна Иоанновна получила первое известие о избрании ее на российский престол и об условиях, на которых Верховный совет предполагал вручить ей скипетр правления. Граф Карл-Густав Левенвольде [Густав Рейнгольд. — *Прим. В.М.*], находившийся тогда камергером при российском дворе, отправил тайным образом нарочного к старшему брату своему Рейнгольду [Карлу Густаву. — *Прим. В.М.*], жившему в Лифляндии. Посланный, переодетый в крестьянское платье, вышел пешком за заставу города, сел в приготовленные в некотором расстоянии сани, употребил возможную поспешность и удачно прибыл в Лифляндию с письмом графа Карла [Густава Рейнгольда. — *Прим. В.М.*] Левенвольде. Граф Рейнгольд [Карл Густав. — *Прим. В.М.*] тотчас поскакал в Митаву и первым подробно донес Анне Иоанновне о распоряжениях московского Верховного совета. Таковой опыт приверженности графов Левенвольде приобрел полную доверенность императрицы Анны, которая вскоре возвела их на первые степени в государстве[†].

²⁷Как пишут в полковой истории, мая 28 [Юлианского календаря] 1731 Измайловцы «в первый раз заступили в дворцовый караул на смену л.-гв. Семеновского полка»; по словам В.И. Ульянова (Ленина) «... всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться» — Полн. собр. соч., т. 37, с. 122.

²⁸Напомним, что был еще и средний брат, участие которого в этом деле не отмечено.

²⁹Сумароков Петр Спиридонович. Говорят, что «Долгоруков, узнав, что Сумароков находится в Митаве, велел его схватить и допросить, а после допроса приказал заковать его в кандалы и отправить в Москву вместе с ген. Леонтьевым, который повез письмо Анны и подписанные ею пункты верховникам». Суть в том, что Сумароков был Анной *демонстративно выдан* Василию Лукичу Долгорукову. — *Прим. В.М.*

† Граф Рейнгольд Левенвольде был обер-гофмаршалом и кавалером св. Андрея и св. Александра. В 1742 г., по восшествии на престол Елизаветы Петровны, с другими знаменитыми вельможами учинился несчастною жертвой неправосудия и был сослан в заточение в Соликамск, где и умер в 1758 г. Граф Карл, умерший в 1735 г., был обер-шталмейстером, генерал-поручиком, генерал-адъютантом и гвардии Измайловского полка подполковником³⁰; имел орден св. Андрея. — *Прим. рук. в тексте «Замечаний».* ▲

Обратим внимание и на следующий отрывок из книги С.М. Соловьева.

№ 8 (С.М. Соловьев. *История России с древнейших времен. т. 19, гл. 3: Царствование императрицы Анны Иоанновны*).

... Этот Левенвольд [Карл Густав. — *Прим. В.М.*] был брат обер-гофмаршала графа Рейнгольда Левенвольда; **в звании лифляндского ландрата**³¹ явился он в Москву в числе других депутатов, приехавших просить новую императрицу о подтверждении лифляндских привилегий, остался в Москве, был пожалован генерал-лейтенантом, а потом обер-шталмейстером. ▲

Из того, что сказано выше, мы видим, что это была далеко не первая встреча «лифляндского ландрата» и «новой императрицы».

В.С. Нащокин и Э. Миних о К.Г. Левенвольде. О личных качествах К.Г. Левенвольде имеются следующие воспоминания близко знавших его современников. Приведем эти воспоминания.

№ 9 (*Записки Василия Александровича Нащокина*).

... В 1735 году обер-шталмейстер, лейб-гвардии Измайловского полка полковник, ордена Св. Апостола Андрея кавалер, ее императорского величества генерал-адъютант граф фон Левенвольд, который был в Польше полномочным послом и послан был к цесарю; он же и полк Измайловский привел в изрядный регулярный порядок и в лучшую от других полков экзерцицию; по многих его к государству трудах из немецких краев в С.-Петербург возвратился в тяжкой болезни и просил всемилостивейшую государыню, чтоб отпущен был в деревню его Дерптского уезда, в мызу Ряпину. А при отъезде призвал он всех штаб- и обер-офицеров, со всеми прощался и поехал в последнем состоянии своего здоровья, а по прибытии в свою деревню, как было известно, все домовое распорядя, добропорядочно того же года в апреле месяце умре. **Человек был великого разума, имел склонность к правосудию; к подчиненным, казалось, был строг, только в полку ни единый человек не штрафован приказом его, а все в великом страхе находились, и такой человек, как оный граф Левенвольд, со справедливыми поступками и zelo с великим постоянством, со смелостью, со столь высокими добродетелями редко рожден быть**

³⁰На самом деле, полковником. После его смерти полковником стала Царственная особа. — *Прим. В.М.*

³¹Это важное замечание, подкрепленное фактом. Действительно (см. G. Krusenstjern (1963) *Die Landmarschälle und Landräte der Livländischen und der Öselschen Ritterschaft in Bildnissen*. Harry v. Hoffman Verlag, Hamburg), именно Карл Густав Левенвольде, а не младший его брат Густав Рейнгольд был лифляндским ландратом и «переодетый в крестьянское платье» посланник «тайным образом» посылался в Лифляндию именно к нему. — *Прим. В.М.*

может. Он же при жизни его императорского величества, блаженной памяти государя Петра Великого, был его величества генерал-адъютантом и много употреблен бывал от его величества в посылки. В жизни своей оный граф фон Левенвольд имел охоту к ружью и охотник был до лошадей. И так я об оном описал, как *подлинное мое есть примечание бесстрастно, ибо я у него в особливой милости не был и чрез его рекомендацию никакой милости в авантаж свой не получал, только писал в сей моей записке из почтения, видя в жизни моей такого достойного человека, который, паче своей славы, общее добро, то есть правдолюбие, наблюдал, что мне случилось видеть и сим засвидетельствовать.*

И когда оный Левенвольд был шталмейстером, тогда общим проектом с обер-камергером фон Бироном да генералом Волынским представили государыне императрице Анне Иоанновне, чтоб в государстве конские заводы размножить, и потому немалое число жеребцов и кобыл куплено в немецких краях и определено по заводам и конские покои по проекту Артемия Петровича Волынского построены. Сим лучший порядок при заводах учрежден, и с 1734 года повелись в государстве лучшие лошади. Оные Левенвольд, Бирон и Волынский великие были конские охотники и знающие в оной охоте. И с того времени знатные господа граф Николай Федорович Головин, князь Куракин и другие немалым иждивением собственные конские заводы завели, а до сего великая была скудость в России в лучших лошадях верховых и каретных. ▲

№ 10 (*Записки и замечания гр. Эрнста Миниха*).

... Кроме сего, так сказать, всемогущего любимца [Бирона. — *Прим. В.М.*], состоял также Карл-Густав, старший граф Левенвольде, в столь великой силе, что хотя и не занимал он никакой должности в министерстве, однако *никакие дела не проходили без его ведома и соглашения*; даже сам Бирон, который ни с кем другим не хотел делить власти своей у императрицы, не только сего мужа, доколе он жив был, при себе терпел, но даже, чему дивиться должно, *некоторым образом его боялся.*

Личные свойства и качества графа Левенвольде действительно заслуживали почитания. Сверх острого и пронизательного разума, имел он совершенно честное сердце, был великодушен, бескорыстен и охотно вспомоществовал всем, кои с правым делом или просьбою к нему прибегали. Он жил весьма умеренно и без великолепия. Вид его был важен, но не неприятен, и в домашнем обхождении находили его веселым и шутливым. Дружьям своим делал он добро, и кто однажды вошел к нему в любовь, тот чрез наговорки и клеветы не скоро лишался оной. Но если он однажды кого возненавидел, то уже *бывал вовсе непримирим.* ▲

Почему де Лириа с Ключевским и Нащокин с Минихом говорят по-разному? Историк В.О. Ключевский в своем «Курсе русской истории» сделал «меткое замечание», которое с его легкой руки и стало в дальнейшем самой популярной характеристикой правления Анны Иоанновны.

№ 11 (*Из «Курса русской истории» В.О. Ключевского*).

... Не доверяя русским, Анна поставила на страже своей безопасности кучу иноземцев, навезенных из Митава и из разных немецких углов. Немцы

посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсе- ли престол, забирались на все доходные места в управлении. Этот сбродный налет состоял из «клеотур» двух сильных патронов, «каналыи курляндца», умевшего только разыскивать породистых собак, как отзывались о Бироне, и другого каналыи, лифляндца, подмастерья и даже конкурента Бирону в фаворе, графа Левенвольде, обер-штальмейстера, человека лживого, страстного игрока и взяточника. При разгульном дворе, то и дело увеселяемом блестящими празднествами, какие мастерил другой Левенвольде, обер-гофмаршал, перецеголявший злокачественностью и своего брата, вся эта стая кормилась досыта и веселилась до упада на доимочные деньги, выколачиваемые из народа. . . Недаром двор при Анне обходился впятеро-вшестеро дороже, . . . чем при Петре I, хотя государственные доходы не возрастали, . . . скорее убавлялись. «При неслыханной роскоши двора, в казне, — *писали послы*, — нет ни гроша, а потому никому ничего не платят». ▲

Слова каких же *послов* повторяет историк В.О. Ключевский? Это — оставивший после себя обширные материалы (донесения, письма и проч.) Хакобо Фитц Джеймс Стюарт, герцог де Лириа-и-Херика, который в едином облике являл собой:

- испанского посла в России в 1727–1730 годах (т.е., наладив все связи при дворе Петра II, он внезапно — из-за скоропостижной смерти Петра II — попал в сложное положение: в 1730 г. на престоле оказалась Анна Иоанновна, а в силе — партия, на которую де Лириа вовсе «не ставил»),
- ревностного католика (с заданием если не привести Россию в лоно католической церкви, то всячески способствовать этому),
- якобита; более того, он — сын внебрачного сына Иакова II Стюарта (1633–1701), короля Англии, Шотландии (здесь, как шотландский король, он назывался Иаков VII) и Ирландии, свергнутого в 1688 г. в результате «Славной революции», и Арабеллы Черчилль (сестры герцога Мальборо).

Иногда интересы «дюка Лирийского» как его называли в России, как посла испанского короля и как якобита, входили в значительные противотречия³². Наконец, не вдаваясь в подробности, которые — заметим — весьма интересны, «дюк Лирийский» оказался изобретательным интриганом и применял своеобразные приемы тайной дипломатии, включая прямой подлог.

Итак, «дюк Лирийский» — лицо *предвзятое* и *заинтересованное*. Поэтому, когда он говорит, что «Левенвольда ненавидят не только русские, но и все честные люди, а прискорбнее всего то, что Остерман очень любит такого человека, которого всячески стараются отдалить от двора», а затем про самого Остермана говорит, что «он лжив, способен ко всему для достижения своей цели, человек без религии (ибо трижды переменял свою веру), и особенно хитер и лукав, но мы имеем в нем нужду и без него ничего не можем здесь делать», то это — не столько «свидетельство современника», сколько похвала неприятеля.

³²Заметим, что в 1727–1730 гг. внезапно изменились интересы основных европейских держав и Россия, улучшив отношения с Великобританией, где с 1 августа 1714 г. и до своей кончины в июне 1727 г. правил король Георг I, а затем — король Георг II, не была заинтересована в материальной поддержке якобитского заговора.

Занятно и такое наблюдение «дюка Лирийского»: «самые враги его [Остермана. — *Прим. В.М.*] не могут сказать, чтобы он не служил усердно своему Государю [Императору Петру II. — *Прим. В.М.*], советовал ему худое или допускать подкупить себя. Одна слабая сторона его, что он любит Левенвольда [Густва Рейнгольда Левенвольде. — *Прим. В.М.*] и мало заботится о наставлении самого Царя. Первое сушая правда, а второе клевета, ибо он ничего не упускает в сем отношении, хотя никто не помогает ему и готовы самое доброе намерение его представить преступлением»³³.

Но «дюк Лирийский» может быть также *мало* или *намеренно неточно* информирован. Вот еще один пример его донесений, из которых проглядывает и личность говорящего. Это, несомненно почерпнутое с чужих слов, донесение стоит сравнить со свидетельством *австрийского резидента*, изложенным в цитате № 4, приведенной выше, имея в виду, что австрийский резидент был современником³⁴ и заинтересованным участником событий, в качестве представителя *мужа сестры* супруги Алексея Петровича.

№ 12 (*Хакобо Фитц Джеймс Стюарт, Герцог де Лириа-и-Херика. «Донесение о Московии в 1731 г.» — Вопросы истории. № 5, 1997*).

... Он [Император Петр I. — *Прим. В.М.*] женил его [Царевича Алексея Петровича. — *Прим. В.М.*] в 1711 г. на принцессе Шарлотте Христине Брауншвейг-Вольфенбюттельской, младшей сестре правящей императрицы, принцессе добродетельной, красивой и рассудительной. У царевича были от нее дети — в 1714 г. принцесса Наталья и в 1715 г. будущий царь Петр II. Несчастливая принцесса умерла от *выкидыша*³⁵, настрадавшись, как настоящая мученица, от мужа-варвара, который недостойно обращался с ней и никогда не оказал ей ни малейшего внимания. ▲

Просил от имени примаса, чтоб в Варшаву был прислан посол русского происхождения. В.О. Ключевский издал свой «Курс русской истории» в преддверии Мировой войны, в 1910 г. Он «играл в беспроигрышную игру» антинемецких настроений своего времени. Но, говоря по сути, да, в правление Анны Иоанновны роль «немцев», к которым принадлежат Левенвольде, была велика. Приведем, однако, следующий показательный эпизод, из которого видно, что дело не только в происхождении.

№ 13 (*С.М. Соловьев. История России с древнейших времен. т. 20, гл. 1: Продолжение царствования Императрицы Анны Иоанновны*).

³³Интересно заметить следующее. В фундаментальном труде С.М. Соловьева «История России с древнейших времен», в т. 21, гл. 2 (Царствование Императрицы Елисаветы Петровны — конец 1741 и 1742 г.) говорится: «... Под одну опалу с такими видными людьми, как Остерман и Миних, подпал и относительно темный человек, обер-гофмаршал Левенвольд. Обязанный своим возвышением фавору Екатерины I, он выдвинул Остермана, которого, как мы видели, бестужевская партия иначе не называла как «клеатурою (креатурою) Левольда». Оставим на совести С.М. Соловьева оценку обер-гофмаршала Г.Р. Левенвольда, «из древних лифляндских фамилий», «опытом приверженности» приобретенного «полную доверенность императрицы Анны», которая вскоре возвела его «на первые степени в государстве», но заметим неожиданное для многих: в начале 1730-х годов *не Остерман выдвинул Левенвольда, а наоборот*. В этом Г.Р. Левенвольд делит честь с Петром Великим, который уже в 1707 г. выдвинул Андрея Ивановича Остермана (1687–1747) на важные посты и, как видно, не ошибся.

³⁴Хакобо Фитц Джеймс Стюарт, Герцог де Лириа-и-Херика, писал свои «Донесение о Московии в 1731 г.» как минимум через 15 лет после событий 1715 г.

³⁵Известно, что она умерла спустя несколько дней из-за последствий родов сына, будущего Петра II. — *Прим. В.М.*

... Для подлития масла в огонь Рудомина стал жаловаться на Левенвольда [Фридриха Казимира. — Прим. В.М.], зачем уехал из Варшавы, не давши никому знать об этом, и *просил от имени примаса, чтоб в Варшаву был прислан посол русского происхождения*. Ему отвечали, что Левенвольду не нужно было прощаться с примасом, потому что он уезжал на время, а *русской императрице нельзя предписывать, каких послов держать ей в Варшаве; притом какого бы происхождения ни был посол, он действует по указу ее величества*. Но этой бестактности и незнания положения дел со стороны примаса с товарищи было мало: Рудомина привез письмо от князя Вишневецкого к одному из князей Трубецких; Вишневецкий жаловался Трубецкому, что давно не получал от него писем, напоминал о происхождении их фамилий от одного рода (Гедиминова) и просил его как знатного сенатора противодействовать людям, советующим императрице послать войска свои в Польшу до избрания короля; уверял, что новый король будет соблюдать договор со всеми соседями, особенно с Россиею, *по славянскому братству обоих народов*; выражал надежду, что князь Трубецкой примет на себя звание полномочного посла в Польше, чтоб мирными средствами поддерживать согласие между обоими государствами. Младший³⁶ Левенвольд [Фридрих Казимир. — Прим. В.М.] достал копию с письма и переслал ее в Петербург с своими замечаниями, что Вишневецкие, Сангушки и Чарторыйские принадлежат к одному Гедиминову роду с Трубецкими, Голицыными и Куракиными и потому было бы очень опасно, если бы этот могущественный род достиг польского престола в особе князя Вишневецкого.

В конце июля опять приехал в Варшаву нежеланный обер-шталмейстер Левенвольд [Карл Густав. — Прим. В.М.]. Русское и саксонское посольства начали подвергаться оскорблениям, и на жалобы их примас отвечал, что не в состоянии никого защитить от народной ненависти. Левенвольд сказал на это: *«Если нас от народной ненависти защитить не могут, то и я против козацкой пикн защитить никого не могу»*. ▲

4. Густав Рейнгольд Левенвольде

Старший из трех братьев, Карл Густав Левенвольде, умер в 1735 г., а младший, Фридрих Казимир Левенвольде, «согласно просьбе был отпущен» из российской службы в австрийскую 21 ноября 1733 г. и больше не вернулся в Россию. Поэтому, начиная с середины 1730-х годов, в России остался только один из трех братьев.

Пропустим годы вплоть до 1741, хотя нам и есть, что сказать³⁷. Например, именно Густав Рейнгольд Левенвольде привез в Москву с Украины обладателя великолепного голоса, будущего фаворита Елизаветы Петровны, Алексея Разумовского.

³⁶Слово «младший» относится к среднему из трех братьев. Здесь нет ошибки, поскольку в Польше в то время действовали, иногда не очень солидарно, только два брата — старший Карл Густав и младший по отношению к нему (но из трех средний) брат Фридрих Казимир. — Прим. В.М.

³⁷Густавом Рейнгольдом Левенвольде был организован императорский двор на манер западноевропейских. Двор с множеством служб устроен никак не проще, чем полк. Зная это, мы не удивимся, что Доменико Дальольо посвящал свои музыкальные произведения именно Г.Р. Левенвольде, своему начальнику. Стоило бы остановиться также на отношениях Г.Р. Левенвольде и А.И. Остермана: многие будут удивлены, узнав, что это было равное партнерство, и подчас Г.Р. Левенвольде поддерживал и протезировал А.И. Остермана, а не наоборот.

Рис. 2. Г.Р. Левенвольде, род. 1693, в Лифляндии—ск. 1758 в Соликамске, младший брат Карла Густава Левенвольде, самый младший из трех сыновей Герхарда Иоганна Левенвольде.

Спросите графа, не сошел ли он с ума? Как мы видели, Густав Рейнгольд Левенвольде играл значимую роль при воцарении Анны Иоанновны. И он — исполняя свой долг — помог этой государыне³⁸. Но, как говорит народная мудрость, «сперва захоти помочь себе сам». Помочь Анне Леопольдовне, племяннице Анны Иоанновны и матери малолетнего императора Иоанна VI Антоновича, он оказался бессилен. Не вдаваясь в подробности из-за ограниченного объема настоящей статьи, приведем следующий текст.

№ 14 (*Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. гл. 22*).

...Граф Левенвольд [Густв Рейнгольд Левенвольде. — *Прим. В.М.*], собираясь ужинать, получил от кого-то сведения о замыслах цесаревны и ее приверженцев, записал полученные сведения на бумаге и, хотя было уже поздно, поспешил в Зимний дворец. Правительница уже легла спать. Левенвольд передал записку ее камер-юнгфере и поручил довести ее до сведения

³⁸Здесь уместно заметить, что последнее слово все же остается не за советником, а за исполнителем, и воздать должное Анне Иоанновне за мастерски реализованный многоходовый гамбит контр-переворота в 1730 г. Вот, по описанию С.М. Соловьева, лишь одна из заключительных сцен (шаха) этой партии перед тем, как кондиции будут разораны (мата): «... императрица притворилась удивленною. «Как, — сказала она, — разве пункты, которые мне поднесли в Митаве, были составлены не по «желанию целого народа?» «Нет!» — отвечали собравшиеся. «Так, значит, ты меня, князь Василий Лукич, обманул!» — сказала Анна».

Рис. 3. Фельдмаршал граф Б.Х. Миних (1683–1767) и герцог Э.И. Бирон (1690–1772) (вверху), обер-гофмаршал граф Г.Р. Левенвольде (1693–1758) и вице-канцлер граф А.И. Остерман (1687–1747) (внизу). Самым старшим (диапазон составляет 10 лет) был Миних (1683), на 4 года младше Остерман (1687), еще на 3 года младше Бирон (1690), еще на 3 года младше Левенвольде (1693). Умерли (с диапазоном в 25 лет): первым — Остерман (1747), через 11 лет (1758) — Левенвольде, еще через 9 лет — Миних, еще через 5 лет (1772) — Бирон. На момент опалы, казни и ссылки в 1741-м году Миниху было 58, Остерману — 54, Левенвольде — 48 лет. Левенвольде стал графом в 1726 г., Миних — в 1728, Остерман — в 1730, причем два последних графа, в отличие от первого, были выходцами из лиц простого происхождения (отец Остермана — пастор, Миниха — инженер).

правительницы. Камер-юнгфера вошла в спальню со свечою и подала записку. Полусонная Анна Леопольдовна пробежала ее и произнесла: «Спросите графа Левенвольда, не сошел ли он с ума?». Левенвольд воротился домой в

отчаянии, а наутро поехал к правительнице и стал уговаривать не пренебрегать грозящею опасностью. «Все это пустые сплетни, — сказала правительница, — мне самой лучше, чем кому-нибудь другому, известно, что цесаревны бояться нам нечего» (Вейдемейер: «Обзор», т. II, стр. 50). ▲

Поэтому понятно следующее мнение современника.

№ 15 (*Записки Манштейна о России. 1727–1744*).

... В сущности, *преступление всех арестованных лиц состояло в том, что они не понравились новой императрице и слишком хорошо служили императрице Анне*. Сверх того, Елизавета обещала тем, которые помогли ей взойти на престол, что она освободит их от притеснения иностранцев, поэтому пришлось осудить тех, кто занимал высшие должности.

Согласно определению, граф Остерман был приговорен к колесованию заживо; фельдмаршал Миних — к четвертованию; графа Головкина, графа Левенвольде и барона Менгдена присудили к отсечению головы. Императрица даровала им всем жизнь; их сослали в разные места Сибири. Граф Остерман получил помилование лишь на эшафоте, когда его голову уже положили на плаху.

Двор издал по этому случаю манифест, где были перечислены все преступления, в которых они обвинялись.

Миних, Остерман и Левенвольде перенесли свое несчастье с твердостью; не то было с другими. Все поместья сосланных, за исключением тех, которые жены их принесли за собою в приданое, были конфискованы в пользу двора, который награждал ими других лиц. Жены осужденных получили позволение поселиться в своих поместьях и не следовать за мужьями в ссылку, но *ни одна из них не захотела воспользоваться этою милостью*. ▲

Таким образом, «жены-декабристки» были на Руси задолго до событий 1825 г. на Сенатской площади³⁹. И еще.

№ 16 («Замечания на “Записки Манштейна о России” неизвестного автора». • *Об обер-гофмаршале графе Левенвольде*).

... Несправедливо, что и обер-гофмаршал граф Левенвольде подавал правительнице совет объявить себя императрицей. *Левенвольде был прозорливого ума*, и не предстояло ни малейшей побудительной причины преклонять великую княгиню на такой легкомысленный поступок. Преступление Левенвольде состояло в том, что граф показал правительнице письмо, полученное им из Фландрии, от одного уволенного от российского двора метрдотеля; прежний усердный служитель подробно описал заговор, умышляемый Елизаветою. Достойный Левенвольде, сотворенный для того, чтобы блистать при великом дворе, к общему сожалению, умер в Соликамске, куда он сослан был в заточение. Беспристрастие требует воздать похвалу гг. Строгановым, имеющим богатые заводы и соляные варницы в этом месте: *сострадательные их сердца старались облегчать, сколько позволено, несчастную участь Левенвольде, вспомоществовали и*

³⁹Г.Р. Левенвольде не был женат. Однако фактическая его жена (см. ниже), Наталья Федоровна Лопухина, в 1743 г. подверглась наказанию кнутом и урезанию языка и также была сослана в ссылку. В «Русской старине», 1874, с. 43; на с. 1–42, 191–235 подробнее излагается «Лопухинское дело».

доставляли ему все потребное к пропитанию и содержанию. Да цветет и наслаждается всеми благами потомство добродетельных душ! ▲

Г.Р. Левенвольде и женщины. Говорят, что постоянство в своем сильном и взаимном чувстве на протяжении многих лет и есть любовь.

№ 17 (*Из мемуаров Леди Рондо. ●*).

... Только что у меня была с визитом одна из наших красавиц⁴⁰, жена русского господина, которого Вы знавали в Англии, — м-ра Лопухина⁴¹. Это одна из фрейлин и племянница той дамы, о которой я Вам рассказывала, что она была любовницей Петра Первого⁴². Но скандальная хроника гласит, что добродетель племянницы победить было не столь трудно. Она и ее любовник⁴³, если он действительно таковым является, *очень постоянны в своем сильном и взаимном чувстве на протяжении многих лет*. Она приезжала отдать мне визит после ее родов. Когда она родила, я при первой же встрече поздравила ее мужа с рождением сына⁴⁴ и спросила, каково самочувствие супруги. Он ответил по-английски: «Почему Вы спрашиваете меня? Спросите графа Левенвольде, он знает лучше». Увидев, что я совершенно озадачена его словами, добавил: «Да весь свет знает, что это правда, и это меня ничуть не волнует. Мы были вынуждены пожениться по желанию Петра Великого. В то время я знал, что она ненавидит меня, а сам я был к ней совершенно равнодушен, хотя она красива. Я не могу ни любить ее, ни ненавидеть и теперь по-прежнему равнодушен к ней. Так почему же я должен расстраиваться из-за ее связи с человеком, который ей нравится, тем более что, надо отдать ей должное, она ведет себя настолько благопристойно, насколько позволяет положение».

5. Фридрих Казимир Левенвольде

Фридрих Казимир Левенвольде (1692–1769) возведен 24.10.1726 с нисходящим потомством в графское Российской Империи достоинство. Посол в Польше (1731–1733), представитель России на сейме в Гродно (1731–1733). Согласно просьбе 21.11.1733 был отпущен из российской службы в австрийскую и в Россию больше не вернулся. В Австрии поступил на службу в армию в чине генерал-майора. Был возведен 25.11.1738 в графское Священной Римской империи достоинство и дослужился до чина генерала от кавалерии (1754). Скончался в Вене.

№ 18 (*В 13 день декабря 1745-го, о полудни, при докладе у Ея Императорского Величества чрез канцлера о делах происходило*).

⁴⁰Наталья Федоровна Лопухина, дочь генерал-лейтенанта и кавалера Федора Николаевича Балка, племянница Анны Монс. С 1817 г. замужем за Степаном Васильевичем Лопухиным, двоюродным братом Евдокии Лопухиной, первой жены Петра I. В 1743 г. подверглась наказанию кнутом и урезанию языка и вместе с мужем сослана в Сибирь. — *Прим. В.М.*

⁴¹Степана Васильевича Лопухина, двоюродного брата Евдокии Лопухиной — первой жены Петра I. В 1817 г. он женился на Наталье Федоровне Балк, дочери генерал-лейтенанта и кавалера Федора Николаевича Балка. В 1743 г. С.В. Лопухин сослан в Сибирь. — *Прим. В.М.*

⁴²«Та дама» — Анна Монс. — *Прим. В.М.*

⁴³Г.Р. Левенвольде. — *Прим. В.М.*

⁴⁴Самый младший (?) сын Н.Ф. Лопухиной, Авраам, родился в 1732 г. В 1737 г. родилась дочь Екатерина. Вероятно, здесь неточность перевода с английского языка. — *Прим. В.М.*

... 34. Поднесено было к Ее Императорскому Величеству из Вены, от Левенвольда⁴⁵ писанное, и сюда при письме от тайного советника Ланчинского х канцлеру присланное, письмо, которым он, как по полученной при том же от вице-канцлера рекомендации видно, о свободе брата ево, бывшего обер-гофмаршала, или об отдаче ему деревень его, братних, в Лифляндии просит.

Но Ее Императорское Величество, не соизволяя на то и не распечатывая, оное Левенвольдово письмо обратно отдать изволила.

граф Алексей Бестужев-Рюмин ▲

6. Заключение

В русской истории известны, хотя многие об этом и не подозревают, прямые потомки Герхарда Иоганна Левенвольде. И это составляет предмет для отдельного рассказа. Один из них — Иван Евстафьевич Ферзен, правнук Г.И. Левенвольде.

Барон (граф с 1795 г.) Иван Евстафьевич Ферзен⁴⁶ (1743–16.7.1800) был награжден четвертой и третьей степенями этого ордена 27 июля 1770 г.⁴⁷ и 26 ноября 1775 г.⁴⁸ соответственно, а второй его степенью 9 ноября 1794 г.⁴⁹.

Об И.Е. Ферзене, победителе в битве при Мациовицах, А.В. Суворов говорил так: «Озаряясь свежей еще славою, разбитием главного бунтовщика Костюшки и взятием его в плен, совокупил новые лавры; он, при всей слабости здоровья, бодрствуя духом, превозмогал и труды и опасности, и как распоряжением по своей части, так и мужеством подтвердил известную о нем репутацию».

По словам историка Д.Н. Бантыш–Каменского (1788–1850), Ферзен был «небольшого роста, худощав; с нравом горячим соединял доброе сердце, отличался храбростью и правотою, дорожил солдатами».

Итальянская исследовательница Антония Глассе в работе, названной ею «Из чего сделалась «Метель» Пушкина», пишет: «... повесть сделана как пародия на «Новую Элоизу» Руссо. «Метель» — пародия на историю Строгановой и Ферзена, созданная в контексте и средствами романа Руссо».

И если А. Глассе помнит, что Ольга Павловна Строганова — внучка по матери Наталии Петровны Голицыной⁵⁰, знаменитой «усатой княгини», прообраза графини в «Пиковой даме» А.С. Пушкина, и этим объясняет особенности ее характера, то почему не вспомнить, что граф Павел Карлович

⁴⁵Письмо от 15/26 ноября 1745 г., получено в Спб. 11/22 декабря. Написано Фридрихом Казимиром Левенвольде (1692–1769). — *Прим. В.М.*

⁴⁶По-немецки его имя звучит так: Hans Heinrich Fersen.

⁴⁷Из описания подвига: «Ферзен Иван Евстафьевич фон, бар., прем.-майор, за отл.»

⁴⁸Из описания подвига: «Ферзен Иван Евстафьевич фон, бар., подполк. Свяжского бат. За отличную храбрость, оказанную в разных баталиях: 1770 года сентября 1-го при городе Аккерман, в 1771 году при экспедиции за Дунаем, июля 20-го при взятии неприятельской батареи; в 1773 году в крепости Гирсове и при завладении Гуробал, того же года против Силистрии и на марше к городу Шумле».

⁴⁹Из описания подвига: «Ферзен Иван Евстафьевич, бар., ген.-пор. Во уважение на усердную службу и отличной храбрости, оказанной им 29-го сентября против мятежников польских, при Мациовице, где он взял главного возмутителя Костюшку с чиновниками и пленил всю его артиллерию». Как известно, с момента основания в 1769 г. Ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия второй его степенью было произведено всего 125 награждений.

⁵⁰Ее дочь, Софья Владимировна, вышла замуж за графа Павла Александровича Строганова, впоследствии известного государственного деятеля и полководца.

Ферзен — не столько «стройный белокурый красавец скандинавского происхождения⁵¹, слывший в обществе отъявленным шалопаем⁵², несмотря на успехи по службе в Кавалергардском полку», сколько родной внук Ивана Евстафьевича Ферзена и, следовательно, прямой потомок в IV-м поколении родной сестры трех графов Левенвольде⁵³.

---

⁵¹Строго говоря, А. Гласе ошибается. Вероятно, она думает, что граф Павел Карлович Ферзен — представитель шведской графской линии рода Ферзен, от которого — согласно родословной росписи — он достаточно далек.

⁵²Эту характеристику следовало бы пояснить в свете тогдашних понятий о «шалопаях». В современном смысле слова «шалопем» такой человек, как Павел Карлович Ферзен, не был: так, он «участвовал в походе 1831-го года против польских мятежников; за отличное мужество, выказанное при штурме Варшавы, награжден орденом св. Владимира с бантом» (см. с. 53 Русского биографического словаря в 25 т., под ред. А.А. Половцова, 1896–1918.).

⁵³Или, что то же, прямой потомок в V-м поколении Герхарда Иоганна Левенвольде.